

Тимур Кибиров

* * *

О доблести, о подвигах, о славе
КПСС на горестной земле,
о Лигачеве иль об Окуджаве,
о тополе, лепечущем во мгле.

О тополе в окне моем, о теле,
тепле твоём, о тополе в окне,
о том, что мы едва не с колыбели,
и в гроб сходя, и непонятно мне.

О чем еще? О бурных днях Афгана,
о Шиллере, о Фильке, о любви,
о тополе, о шутках Петросяна,
о люберах, о Спасе на крови.

О тополе, о тополе, о боли,
о валидоле, о юдоли слез,
о перебоях с сахаром, о соли
земной, о полной гибели всерьез.

О чем еще? О Левке Рубинштейне,
о Нэнси Рейган, о чужих морях,
о юности, о выпитом портвейне,
да, о портвейне! О пивных ларьках,

исчезнувших, как исчезает память,
как все, клубясь, идет в небытие.
О тополе. О БАМе. О Программе
КПСС. О тополе в окне.

О тополе, о тополе, о синем
вечернем тополе в оставленном окне,
в забытой комнате, в распахнутых гардинах,
о времени. И непонятно мне.

* * *

Хорошо Честертону — он в Англии жил!
Оттого-то и весел он был.

Ну а нам-то, а нам-то, России сынам,
как же всё-таки справиться нам?

Jingle bells! В Дингли-делл мистер Пиквик
спешит.
Сэм Уэллер кухарку смешит,
и спасёт Ланселот королеву свою
от слепого зловещего Пью!

Ну, а в наших краях, оренбургских степях

заметает следы снежный прах.
И Петрушин возок всё пути не найдёт.
И Вожатый из снега встаёт.

* * *

Мне в два раза больше, чем Китсу, лет.
На вопрос ребром не готов ответ.
Мог остаться перцем и огурцом,
Просвистать скворцом и прослыть спецом.

И буквально каждый свой каламбур
Размещать в ЖЖ, ждать комментариев... Чур!
Чур меня, лукавый! Не так я плох,
Чтоб такую гибель послал мне Бог!

Впрочем, кто Его знает... Но Мать-
Троеручница,
Уж она-то не даст мне настолько ссучиться
И заступится за своего паладина.
Своего осетина.
Сына.
Кретина.

* * *

Их-то Господь — вон какой!
Он-то и впрямь настоящий герой!
Без страха и трепета в смертный бой
Ведёт за собой правоверных строй!
И меч полумесяцем над головой,
И конь его мчит стрелой!
А наш-то, наш-то — гляди, сынок —
А наш-то на ослике — цок да цок —
Навстречу смерти своей.

А у тех-то Господь — он вон какой!
Он-то и впрямь дарует покой,
Дарует-вкушает вечный покой
Среди свистопляски мирской!
На страсти-мордасти махнув рукой,
В позе лотоса он осенён тишиной,
Осиян пустотой святой.
А наш-то, наш-то — увы, сынок, —
А наш-то на ослике — цок да цок —
Навстречу смерти своей.

А у этих Господь — ого-го какой!
Он-то и впрямь владыка земной!
Сей мир, сей век, сей мозг головной
Давно под его пятой.
Вкруг трона его весёлой гурьбой
— Эван эвоз! — пляшет род людской.
Быть может, и мы с тобой.

Но наш-то, наш-то — не плачь, сынок, —
Но наш-то на ослике — цок да цок —
Навстречу смерти своей.
На встречу со страшною смертью своей,
На встречу со смертью твоей и моей!
Не плачь, она от Него не уйдёт,
Никуда не спрятаться ей!

* * *

Ну, была бы ты, что ли, поменьше,
не такой вот вселенской квашней,
не такой вот лоханью безбрежной,
беспредел бы умерила свой —

чтоб я мог пожалеть тебя, чтобы
дал я отповедь клеветникам,
грудью встал, прикрывая стыдобу,
неприглядный родительский срам!

Но настолько ты, тетка, громадна,
так ты, баба, раскинулась вширь,
так просторы твои неоглядны,
так нагледен родимый пустырь,

так вольготно меж трех океанов
развалилась ты, матушка-пьянь,
что жалеть тебя глупо и странно,
а любить... да люблю я, отстань.
2000

Эпилог

Короче — чего же ты все-таки хочешь?
Чего ты взыскуешь? О чем ты хлопчешь,
лопочешь, бормочешь и даже пророчишь
столь невразумительно, столь горячо?
в какие зовешь лучезарные дали?....

Ты знаешь, мы жили тогда на Урале,
тогда нами правил Никита Хрущев.
Но это не важно...
Гораздо важнее,
что были тогда мандарины в продмагах
ужасною редкостью... В общем, короче —
вторые каникулы в жизни, а я
болею четвертые сутки... Той ночью

стояли за окнами тьма и зима,
и Пермь незнакомая тихо лежала
в снегах неподъемных. И елка мерцала
гирляндою, и отражалась в шкафу
мучительно. И, в полусне забываясь,
я страшное видел и, просыпаясь,
от боли и ужаса тихо скулил,
боясь и надеясь сестру разбудить.

А чем я болел, и куда наша мама

уехала — я не припомню... Наверно,
на сессию в Нальчик. А папа в ту ночь
как раз оказался дежурным по части...

И жар нарастал,
и ночь не кончалась,
и тени на кухне все громче и громче
шушукались, крались, хихикали мерзко!

От них я в аду раскаленном скрывался,
под ватным покровом горел-задыхался...
и плавился в невыносимом поту...

Короче — вот тут-то, в последний момент —
я знаю, он был в самом деле последним! —

вот тут-то и щелкнул английский замок,
вот тут-то и свет загорелся в прихожей!
И папа склонился — «Ну как ты, сынок?» —
и тут же огромный шуршащий кулек
он вывалил прямо в кровать мне и тут же,
губами прохладными поцеловав
мой лоб воспаленный, шепнув — «Только
Сашке
оставь обязательно, слышишь!», исчез...
Короче —

я весь в мандаринах волшебных лежал,
вдыхал аромат их морозный, срывал
я с них кожуру ледяную, глотал
их сок невозможный, невообразимый...

Сестре я почти ничего не оставил...

Короче —
вот это, вот это одно —
что мне в ощущениях было дано!

Вот эту прохладу
в горячем бреду
с тех пор я ищу
и никак не найду,
вот эту надежду
на то, что Отец
(как это ни странно)
придет наконец!

И все, что казалось
невыносимым
для наших испуганных душ,
окажется вдруг так легко излечимым —
как свинка, ветрянка,
короче — коклюш!